

Протоиерей Андрей Ткачѳв: Мешает ли культура верить в Бога?

– Протоиерей Георгий Флоровский когда-то размышлял над вопросом: «Нужна ли «культура» для осуществления человеком своей личности, или же культура – не более как внешние одежды, нужные в некоторых случаях, но не принадлежащие органически к самой сущности человеческого существования?» Отец Андрей, как бы вы ответили на этот вопрос?

– Культура неизбежно порождается более или менее сложившимся мировоззрением. И вклад отдельной культуры в общемировую копилку зависит от того, насколько глубоки корни мировоззрения, эту культуру породившего.

Человек непременно будет плакать на похоронах и танцевать на свадьбе, будет силиться дать окружающему миру этические и эстетические оценки: «хорошо» – «плохо», «красиво» – «безобразно». Обязательно возникнут оценки мистического характера: запреты, табу (нельзя никогда) и поощрения, положительные требования (делай так, ибо это похвально).

Так что возникновение установленного обряда, более-менее сложного культа, ритуала, цикла праздников, касты жрецов, культовых зданий и проч. – есть только делом времени. Таким образом, стройная система нравственно-эстетических требований, входящих органично в строй народной жизни, – это общечеловеческое явление. Это и есть культура.

– Почему веру и культуру рассматривают нередко как нечто оппозиционное? Связано ли это с интерпретацией эпизода Быт. 2:7, когда фактически первый культурный жест – прикрытие наготы одеждой из сшитых листьев смаковницы – был связан с фактом грехопадения?

– Оппозиционной к вере является не культура вообще, а специфическая культура – та, что рождена идеологией гуманизма. Это европейское дитя нового времени.

Суть проста – Бога вытесняем из центра мира, и помещаем туда человека. Он теперь главный, а небеса пусты. Продолжаем петь, но уже не молитвы, а много всякого другого. Именем «храм» называем музеи, театры и научные библиотеки. Проповедуем, но не с кафедры, а на митингах и с театральных подмостков.

В качестве священной касты определяем сначала ученых, потом финансистов и политиков, теперь – хоть бы актрис и спортсменов. Моралью христианской вначале пользуемся, но объявляем ее автономной, не от Бога исходящей, а потом неизбежно «подчищаем» и дальше уже совсем от нее отказываемся.

Тему можно продолжать, ибо имеет она тотальные проявления. Получаем на выходе культурное восстание против Небес. И мы внутри этой культуры родились (все, кто живет после Французской революции), живем в ней же, следовательно, ее одну называем именем «культура», тогда как их – культур – много.

– В конце жизни А.А. Тарковский якобы говорил, что если бы ему пришлось прожить жизнь заново, он никогда бы не стал режиссёром, а предпочёл бы быть простым пастухом и наблюдать ежедневно рассвет и закат на берегу реки, выпасая стадо. Всегда ли духовное взросление человека связано отчасти с разочарованием в возможностях культуры?

– Ну, любоваться закатом и рассветом у тихой речки хорошо именно тому, кто имеет серьёзный культурный искус. Иначе бы пастухи не бежали в города от своих стад, и не тряслись бы в темноте на дискотеках. Культурно неискушенный человек легко соблазняется низшими видами культуры, агрессивно направленными на то, что греховно в человеке. Человек все равно будет потребителем культуры. В любом случае! Только это будет либо нечто ведущее вверх или хотя бы вверх указующее, либо нечто щекочущее под мышками и не только.

– Ещё Шмеман говорил об опасности создания православного культурного «гетто», которое фактически ставит христианина в позицию изоляциониста, полностью оторванного от мира и не способного его преобразовать, нести весть Христову миру. Сегодня эта тенденция только усиливается. Чем, на ваш взгляд, опасно создание такого «православного культурного гетто», отрицающего Баха и Кафку и принимающего исключительно Копылову и Торику?

– Христианину, если он способен к этому, следует вычленив в культурном мире то, что прямо или опосредованно питается Евангелием. Вычленив, познакомиться и обогатиться. Например, сам Шекспир – не ахти какой христианин, но он творец той эпохи, когда все пропитано библейскими смыслами буквально. Следовательно, его стоит читать. Он не деструктивен.

Бах вообще считал, что смысл музыки это прославление Творца и невинный отдых. Все! А произведения полностью все посвящал «Господу Богу». Как же можно этим пренебречь? И Кафку нужно вписать в контекст конфликта еврейской крови и христианской культуры, да плюс – предчувствия краха «прекрасного мира», который весь внутри стал двоящимся и абсурдным.

Это великая литература, без пафоса говорю. Творческий человек, мучающийся нравственной проблематикой и чувствующий себя ходящим над бездной, важен нам, даже если он дает неверные ответы на вопрос. Таков, к примеру, Ницше. У Ясперса есть маленькая книжечка о том, что антихристианство Ницше, быть может, полезно христианству больше, чем фальшивая показная любовь многих.

– В советский период, когда Церковь лишили права голоса, а значит, и возможностей широкого миссионерства, нередко преддверием к катехизации становилась культура. Например, к Богу приходили благодаря лекциям по византийской эстетике или филологии С.С.Аверинцева, где при желании «между строк» можно было прочесть гораздо большее заявленной тематики. Или через кинематограф А.А. Тарковского и пр. Насколько сегодня культура способна играть эту роль первой ступени катехизации? Или у деятелей культуры нет уже необходимости «говорить между строк» и делать вещи масштаба «Андрея Рублёва»?

– Культура всегда должна говорить «между строк», а не бить в лоб, и для этого у нее всегда есть средства и возможности. Преподаватель в ВУЗе все так же должен быть тонок и умен, осторожно вылепливая из современного молодого дикаря, сидящего за партой, нечто вроде лампы или чаши. Поэт все так же трогает струны души, как бы невзначай, и заставляет человека плакать и смотреть в небо.

Один уместный диалог из психологической драмы может стать поворотным в мировоззрении зрителя. Все осталось. Только задача усложнилась (как-никак информационная эпоха) и денежный вопрос силится командовать всеми без изъятия.

– Татьяна Горичева высказывала опасение, что современная постнигилистическая культура построена уже даже не на протесте, а на скуке, точнее жажде её преодоления. Отец Александр Шмеман высказывал опасение, что современный человек полностью пытается игнорировать опыт смерти. На ваш же взгляд, какой самый опасный соблазн нынешней культуры?

– Потеря смысловых ориентиров. Ситуация, когда «все есть (машина, телефон, деньги на карточке), но ничего нет» (тепла, любви, радости). Это уже не скука. Это зеленая тень самоубийства, что гораздо серьезнее. Конечно, изгнание смерти из жизни – тоже.

А еще помещение на главное место, там где раньше была смерть, загробная участь, пасхальные колокола – секса. В Средневековье секс табуирован, смерть – общая тема, всегда перед глазами. У нас – «смерти типа нет», а секс повсеместен. На фоне тотальности секс-темы, как ни странно, семья исчезает. Ну и процесс так далеко зашел, что человек осатанел изрядно. Он не только забыл о Небе, он даже готов в Небо выстрелить, если оно Само к нему приблизится. Тютчев об этом лучше всех сказал:

*Неверием палим и иссушен
Невыносимое он днесь выносит
И сознает свою погибель он
И жаждет веры, но о ней не просит.
Вот он какой, человек.*